

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

(вместо предисловия)

С. Г. ИНГЕ-ВЕЧТОМОВ

События последних лет, ознаменовавшиеся очередной волной эмиграции и временных (?) отъездов за рубеж бывших советских ученых, преимущественно молодых и, естественно, хороших специалистов, вновь заставляют задуматься о феномене школ и традиций в науке, об их значении для культуры страны, как бы она теперь ни называлась. А тут и еще один повод подоспел — 75 лет кафедре генетики и селекции С.-Петербургского университета.

75 лет — это история. За такой срок возникали и исчезали не только кафедры, но целые государства. Кафедра генетики Петроградского, затем Ленинградского, а теперь С.-Петербургского университета родилась в 1919 г., а первый университетский курс лекций по генетике «Эволюция и наследственность» был прочитан основателем этой кафедры Юрием Александровичем Филипченко в 1913 г. — незадолго до прорыва генетики в Россию. Этот прорыв произошел в 1914 г., когда вышли первые отечественные публикации по генетике и среди них объемистая монография Е. А. Богданова «Менделизм или теория скрещивания» [1]. В последующие 10 с небольшим лет события в отечественной генетике развивались с поразительной быстротой, так что на V Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. делегация нашей страны была весьма представительной (64 чел.), не уступая американской (61 чел.). Советские ученые сделали на этом съезде 15 докладов [7].

Первая в России университетская кафедра генетики (генетики и экспериментальной зоологии), основанная Ю. А. Филипченко, внесла оцутимый вклад в развитие отечественной науки. За прошедшие 75 лет неоднократно менялось название кафедры. В 1932 г. в Ленинградском университете стало две кафедры генетики — была открыта кафедра генетики растений. Приходили новые завсудующие, менялось отношение к генетике у власти предрежащих. Это отражалось и на положении кафедры, проблематике исследований, на стиле и содержании преподавания. Так или иначе, но сейчас это, по-видимому, единственная кафедра, которая пронесла через все перипетии нашей истории традиции отечественной (ленинградской) школы генетики.

Ю. А. Филипченко был истинным российским интеллигентом, когда выше всего ставятся не столько личные достижения, сколько вклад в дело образования, в «сигнальную наследственность», как позднее назвал М. Е. Лобашев передачу опыта в ряду поколений. В научном творчестве Ю. А. Филипченко воплощены традиции Ф. Гальтона, В. Иогансена, Г. Менделя: особое внимание к генетическому анализу, к наследственности человека, интерес к количественным признакам, широкое применение статистических методов. Эти традиции развива-

лись на основе взаимодействия школы Ю. А. Филипченко и школы Т. Х. Моргана, наиболее ярко выразившегося в совместной борьбе двух выдающихся ученых против неоламаркизма [5]. Результатом взаимодействия этих двух школ в 20-х годах стало формирование личности выдающегося ученого Ф. Г. Добржанского, который в дальнейшем стал главой интернациональной школы эволюционной генетики [2].

Традиции университетской генетики в Ленинграде формировались под влиянием Н. И. Вавилова, который после кончины Ю. А. Филипченко рекомендовал одного из своих самых талантливых сотрудников, Г. Д. Карпеченко, на заведование новой кафедрой — генетики растений. Сам же Н. И. Вавилов возглавил академическую лабораторию генетики, организованную Ю. А. Филипченко и превратившуюся вскоре в Институт генетики АН СССР.

Предвоенные «дискуссии», война, блокада и, наконец, августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. прервали научную работу и подготовку молодых специалистов кафедры. Тяжелы были утраты в военные годы, но еще тяжелее были потери, понесенные генетикой в результате «культурной» революции: советизации вузов и создания в стране пролетарской культуры и науки, основанных на двойной морали, выразившейся в конце концов в безраздельном владычестве так называемой мичуринской биологии. Многие видные ученые стали жертвами этой двойной морали. Стремление заниматься реальной наукой, обеспечить существование и работу своих коллективов заставляло признавать Лысенко, Лепешинскую, Башьяна и иных с ними. А «мичуринские» приемы на биолого-почвенный факультет, проводившиеся после сессии ВАСХНИЛ... Молодые люди испытывали раннее запечатление (импринтинг, как сказали бы физиологи поведения) «праведной» науки уже при поступлении в университет.

В ситуации, когда все менделисты-морганисты и им сочувствующие были виноваты из высших учебных заведений, традиции отечественной генетики не погибли лишь по недоразумению, скорее даже по недосмотру властей. Случайно эти традиции сохранились именно в Ленинграде. В то время ученые, тем более генетики, покинувшие университет, редко по воле возвращались по своей воле. Почему так произошло, мы обсуждали ранее [6]. Исключением оказался ленинградский профессор М. Е. Лобашев — единственный крупный ученый-генетик, который с присущими ему энтузиазмом и энергией в 1957 г. занялся восстановлением генетики в ЛГУ.

Мы уже отмечали, что М. Е. Лобашев был ярким представителем своего времени [4]. Вступив в партию большевиков во время боев на Пулковских высотах, он как до войны, так и после нее находился в несогласии (если не сказать в оппозиции) со всяким официозом. Да и могло ли быть иначе, если он был приверженцем гонимой науки, которая в десятилетиях с начала столетия обуславливала прогресс биологии во всем мире! Точно так же оказалась в оппозиции к существовавшим в науке (и не только в науке) порядкам и кафедра, возглавляемая Лобашевым. Ситуация даже обострилась после смерти М. Е. Лобашева.

В это время, когда одни за другим уходили из университета и из жизни люди, для которых борьба за генетику была символом борьбы за справедливость, за Науку. На смену им приходили более молодые, менее «ярковыступающие», для которых генетика была не более чем одним из направлений в биологии, к тому же ассоциировавшимся с некими политическими играми.

Возвращение на кафедру и возрождение генетической школы было, по видимому, чем-то вроде искупления тех генетических компромиссов, на которые М. Е. Лобашев был вынужден идти, будучи заметным

ученым и общественным деятелем. Конечно, возвращение одного, когда ушли многие, не могло восстановить идейного и методического арсенала кафедры со всеми последствиями, вытекающими из «принципа основателя», известного в генетике популяций. Но очень важен сам факт сохранения непрерывности, преемственности в передаче традиций ленинградской школы генетики.

Возможности для подготовки специалистов были, мягко выражаясь, в то время ограничены. В качестве учебников мы использовали «Курс генетики» Э. Синнота и Л. Денна 1930 г. издания, а те, кому везло, покупали в старой книге учебники Ю. А. Филипченко «Наследственность», «Изменчивость», «Генетика», выпущенные раньше и чудом избежавшие сожжения в кочегарках, куда вывозили грузовиками «реакционную» литературу по генетике после 1948 г. Кроме того, на кафедре были организованы переводы иностранной литературы. Учебными пособиями служили машинописные переводы учебника генетики Срба и Оуэна, многих статей, подготовленные студентами и сотрудниками кафедры, и перевод книги Понтекорво «Тенденции генетического анализа», сделанный Л. З. Кайдановым (тогда студентом кафедры).

На этом фоне написание учебника генетики М. Е. Лобашевым в 1961—1962 гг. было событием, значительным во многих отношениях. В мировой биологии тогда происходили такие события, как описание структуры генетического кода Ф. Криком и др., создание М. Ниренбергом и Г. Маттен бесклеточной системы белкового синтеза для расшифровки кодонов *in vitro*, разработка Ф. Жакобом и Ж. Моно схемы оперона и т. д. Наша отечественная биология, увы, оказалась в стороне от возникновения и развития биохимической и молекулярной генетики, несмотря на то, что многие их предпосылки возникали в нашей стране, но преимущественно в довоенный период.

Первый послысенковский учебник стал «прыжком в будущее» для студентов, которые его получили, и для автора, который мужественно «продирался» к цели через шквал захлестнувшей его новой научной информации. А для нас — молодых сотрудников и аспирантов М. Е. Лобашева, занимавшихся подготовкой материала к учебнику, — это стало еще одной ступенью генетического образования. Об этих и других событиях истории кафедры генетики рассказывают статьи настоящего сборника.

История кафедры генетики и селекции С.-Петербургского университета — первой кафедры генетики в России — еще не написана (за исключением небольших книжек о Ю. А. Филипченко [3], М. Е. Лобашеве [4], а также нескольких статей). Здесь мы пытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел, собрав очень разные работы. Одни представляют собой профессиональные труды по истории, другие — эмоциональные воспоминания, и, несомненно, очень ценны как человеческие документы свидетельства современников. Мы надеемся продолжить эту работу. Лиха беда начало!

GENETIC SCHOOL OF SANCT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY (INSTEAD OF INTRODUCTION)

S. G. Inge-Vechtomov

Summary

The article is devoted to the history of the first genetic department in Russia and to the formation of the most principal moments of University genetics school customs' formation.

Указатель литературы

1. Богданов Е. Л. Менделелизм или теория скрещивания. М., 1914. 626 с.
2. Кошаров М. Б. Феофан Григорьевич Добрыляевский и становление генетики в Ленинградском университете // Наст. сборник. 1994. С. 29—37.

3. *Медведев И. И.* Юрий Александрович Филипченко. М., 1978. 103 с.
4. *М. Е. Лобшев* и проблемы современной генетики // Под ред. С. Г. Илге-Вечтова. Л., 1991. 157 с.
5. *Морган Т. Г., Филипченко Ю. А.* Наследственны ли приобретенные признаки. Л., 1925. 60 с.
6. *Чеховская Т.* Почему они не вернулись? Знание — сила. 1988. № 11. С. 14—24.
7. *Gaissinovich A. E.* The origins of soviet genetics and the struggle with lamarkism, 1922—1929 // J. of the History of Biology. 1980. Vol. 13, N 1. P. 1—51.

**ФОРМИРОВАНИЕ КАФЕДРЫ ГЕНЕТИКИ
И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЗООЛОГИИ В ПЕТРОГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(1913—1920)**

Л. З. КАЙДАНОВ

Зоология — основа для формирования генетики в С.-Петербургском — Петроградском университете. В XX век С.-Петербургский университет вступил, имея в своем составе четыре факультета: физико-математический, историко-филологический, юридический и восточный. К началу 10-х годов в университете обучалось около 9,5 тыс. студентов, из них около 3,5 тыс. на физико-математическом факультете [6].

Физико-математический факультет включал три отделения — математическое, естественное и химическое. К кафедрам биологического профиля естественного отделения относились кафедры зоологии позвоночных, зоологии беспозвоночных, анатомии и гистологии, физиологии человека и животных, морфологии и систематики растений, физиологии растений. В 10-х годах их возглавляли или преподавали на них замечательные ученые, чьи труды вошли в золотой фонд науки. Это зоологи: В. М. Шимкевич, В. Т. Шевяков, В. А. Догель, отец В. А. Догеля гистолог А. С. Догель, ботаники: Х. Я. Гоби, В. Л. Комаров (будущий президент АН СССР), Н. А. Буш, физиологи и биохимики растений: В. И. Палладин, С. П. Костычев, физиологи человека и животных: Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский [2].

Две зоологические кафедры образовались из одной в 1871 г. Двое ученых, Владимир Михайлович Шимкевич и Владимир Тимофеевич Шевяков, оказали решающее влияние на формирование блестящей школы зоологов С.-Петербургского — Петроградского университета. Эта школа выдвинулась на одно из первых мест в Европе.

В. М. Шимкевич, выдающийся русский зоолог, эмбриолог, эволюционист, популяризатор науки, возглавил кафедру зоологии беспозвоночных в 1889 г. Он впервые организовал практические занятия (Большой практикум по зоологии) и создал зоологический семинар. Основные его труды — по сравнительной морфологии и эмбриологии кишечно-полостных, олигомерных кольчатых червей, моллюсков. Его учебник «Биологические основы зоологии», вышедший в 1900 г., выдержал пять изданий и сделался настольной книгой каждого зоолога. В 1905 г. В. М. Шимкевич становится первым выбранным деканом физико-математического факультета и долгие годы затем возглавляет ученый совет этого факультета. Признание заслуг В. И. Шимкевича выразилось в избрании его в 1920 г. действительным членом Российской Академии наук. С 1921 г. и до своей кончины, последовавшей в 1923 г., он был ректором Петроградского университета.

Основоположником естественной протистологии по праву считается Владимир Тимофеевич Шевяков, избранный профессором Петербургского университета в 1899 г. Он разработал систематику и морфологию протистов, установил причины **зооксении** и их распрост-